

В кабинете уже всё было готово к занятиям: на столе ждали чай, свежие фрукты и легкие закуски, а в чайнике дымился свежесваренный настой. Когда Чжэн Шаньцы вошел, Юй Ланьци уже успел исписать целый лист, прилежно копируя прописи одного из прославленных мастеров. Выглядело это на удивление достойно.

Шаньцы подошел со спины и, слегка наклонившись, накрыл своей ладонью руку супруга. Его пальцы, теплые и уверенные, помогли Ланьци правильно перехватить кисть. Оставаясь в таком положении, он начал водить рукой юноши по бумаге, выводя иероглиф за иероглифом.

Вроде бы в этом не было ничего особенного, но сердце Ланьци вдруг пустилось вскачь. Он смотрел на рождающиеся под кистью знаки, чувствуя, как в голове воцаряется блаженный туман. Пока Шаньцы направлял его руку и вполголоса объяснял тонкости нажима и технику письма, всё внимание ученика было приковано лишь к чужим пальцам. Краска залила лицо, а в груди поселилось странное, щемящее волнение.

— ...Ну вот, а теперь попробуй сам.

Шаньцы выпустил его руку, предлагая закрепить урок самостоятельно.

Ланьци негромко кашлянул и принялся писать. Однако его новые каракули ничем не отличались от прежних. Мужчина с улыбкой заметил, что супруг по привычке вновь перехватил кисть по-старому, едва только его оставили без присмотра.

Видно, старые привычки искоренить было не так-то просто — требовалось время и терпение.

Шаньцы предпринял еще одну попытку поправить положение. Он заметил, что уши Ланьци полыхают, а на нежной шее, несмотря на погоду, проступили капельки пота.

— Ланьци, тебе жарко? — удивился он.

Тот не мог вырваться, пока Чжэн Шаньцы крепко держал его руку, поэтому лишь коротко выдохнул:

— Жарко.

Шаньцы тут же отстранился.

— Тогда отдохни немного и попрактикуйся сам.

Лань хмуро посмотрел на лист, понимая, что в одиночку у него вряд ли выйдет что-то путное. Уж лучше бы ему наняли какого-нибудь седого учителя — с мужем учеба явно не задалась. Он постоянно отвлекался, очарованный его статьёй, и мысли улетали совсем не в ту сторону.

Шаньцы взглянул на результат его трудов и со вздохом заметил:

— Лань, ты совершенно не сосредоточен.

— В этот раз точно буду! — пообещал тот.

Они просидели в кабинете до самого вечера. Кое-какие успехи у Юй Лань всё же появились, но в глубине души он решил: нельзя позволять Шаньцы учить его каллиграфии, иначе он и за всю жизнь не продвинется ни на шаг.

Уже вернувшись в спальню, он высказал это вслух.

— Как пожелаешь, — легко согласился супруг.

— И тебе даже не любопытно? — Лань недоуменно вскинул брови. — Почему я вдруг отказался?

Чжэн Шаньцы, который уже устроился с книгой, спокойно ответил:

— Я же вижу, что ты витаешь в облаках. Если ты хочешь учиться, я не должен тебе мешать. Раз уж я — источник твоего волнения, то мне лучше отойти в сторону.

Лань: «...»

Он открыл было рот, но слова застряли в горле.

«Да он что, чурбан бесчувственный?!»

Обиженно сопя, Лань повалился на кровать и так плотно замотался в одеяло, что стал похож на гигантский весенний блинчик.

Почувствовав, как по спине пробежал холодок, Шаньцы отложил книгу и легонько ткнул пальцем в этот кокон.

Лань лишь что-то невнятно пробурчал, не желая показываться.

— Я же простужусь, — вполне серьезно заметил Шаньцы.

— Иди спи в другом месте! — донеслось из-под одеяла.

— Другого гнезда у меня нет.

Услышав это, Ланьи невольно улыбнулся, но вредность всё же взяла верх:

— Неужто чиновнику Чжэну негде приткнуться?

Чжэн Шаньцы был не так силен, как его супруг, но ему всё же удалось размотать «блинчик» и забраться внутрь.

Его холодные ступни случайно коснулись ног Ланьи. Тот вздрогнул, мгновенно перекатился на бок и, применив один из своих заученных приемов, провел «удушающий захват».

Шаньцы: «...»

Он и впрямь едва не задохнулся.

— Прости, это вышло само! — Ланьи тут же разжал руки и виновато посмотрел на мужа. Заметив, что шея того покраснела, он приподнялся на локтях, чтобы рассмотреть след у самого кадыка.

И легонько подул.

В детстве, когда он расшибал коленки или царапал руки, он заливался слезами, а лекарь порывался намазать рану жгучим снадобьем. Тогда фулан Юй брал его за руку, не давая вырваться, и осторожно дул на больное место, пока наносил мазь.

Шаньцы не ожидал от Ланьи такой нежности. Он замер, во все глаза глядя на супруга. В груди вдруг стало тесно и горячо, словно в засушливую пустыню его души внезапно прорвался чистый, прохладный ручей.

Это было странное чувство: смесь восторга, растерянности и какой-то щемящей мягкости.

Шаньцы всегда был во всем лучшим. Он четко знал, чего хочет, а его главным желанием было самому распоряжаться своей судьбой, жить своим делом и не знать оков. Его семья распалась из-за разлада между родителями, и он рано научился полагаться только на себя. Когда после университета друзья один за другим находили свою любовь, он по-прежнему оставался одиноким странником в этом мире. У него не было привязанностей, пара-тройка друзей жили в

разных концах страны, и казалось, ничто не может удержать его на месте.

У него были свои цели и свой путь.

Он привык думать, что, где бы он ни оказался, ему суждено идти в одиночку.

Но встретив Юй Ланьи, он вдруг понял: его сердце всё еще жаждало тепла. Оказалось, оно всё еще способно биться ради другого человека.

Юноша снова подул на его шею. В его глазах читалась нескрываемая тревога:

— Чжэн Шаньцы, ты...

Он не успел договорить — супруг порывисто обнял его. Ланьи уткнулся лицом в его грудь, вдыхая мягкий запах домашней одежды. Шаньцы прижимал его к себе так крепко, словно хватался за последнюю надежду.

В глубине его глаз что-то менялось — старые убеждения тонули, а новые чувства всплывали на поверхность.

В этот миг Ланьи затих, прильнув к нему, точно ласковый котенок.

Будучи самым балованным ребенком в семье, Ланьи умел быть удивительно покладистым, когда чувствовал свою вину. Его голос становился нежным и вкрадчивым — правда, только тогда, когда ему что-то было нужно или когда он хотел загладить проступок. В остальное же время он неизменно сохранял вид благородного и капризного господина.

— Шаньцы, горло еще болит? — шепотом спросил он.

Шаньцы отпустил его и чуть отстранился и с улыбкой переспросил:

— А ты как думаешь?

Ланьи стало еще совестнее.

— В следующий раз я буду стараться сдерживаться, чтобы тебя не поранить.

«Значит, будет еще и "следующий раз"...» — мелькнуло в голове у Чжэн Шаньцы.

Он коснулся губами уха супруга. Тот затаил дыхание, а затем осторожно придвинулся ближе.

Их глаза встретились, и в комнате словно стало жарче.

— Шаньцы, что ты задумал? — Ланьи давно снял венец, и его распущенные волосы мягко коснулись лица мужа.

Дыхание Шаньцы перехватило. Он медленно переплел свои пальцы с пальцами Ланьи и коснулся его губ своими — поначалу робко, короткими и нежными поцелуями.

Юноше стало немного щекотно.

Он попытался уклониться, гадая про себя:

«Ну что он там возится?! Даже целоваться толком не умеет... Ну что за недотёпа!»

Тогда Шаньцы решительнее разомкнул его губы, углубляя поцелуй. Он ласкал его до тех пор, пока у обоих не перехватило дыхание. Когда Шаньцы наконец отстранился, на уголках его губ поблескивала влага. Ланьи почувствовал, как по всему телу разлилась слабость, словно он парил в облаках. Заметив, что муж снова тянется к нему, юноша испуганно прикрыл рот ладонью:

— Хватит, а то губы распухнут!

— Не распухнут, — пообещал Шаньцы.

Но огонь в его груди уже разгорелся не на шутку. Сделав над собой усилие, он закрыл глаза, пытаясь успокоиться, и улегся обратно.

— Ладно, больше не буду. Я тебя напугал?

— Нет, просто... ты меня так целовал, будто хотел проглотить целиком, — Ланьи покачал головой. — Ну и жадина же ты!

Жадина? Что ж, пусть так.

— Я жадина, а ты — воплощение доброты.

Приведя в порядок книги, Шаньцы задул свечу и, забравшись под одеяло, добавил это вслух.

— Разумеется, я добрый. А еще красивый и знатный, — Ланьи самодовольно вздернул подбородок.

Жаль, в темноте супруг не мог видеть его лица — наверняка тот светился от гордости.

Шаньцы подумал о том, что он в уезде Синьфэн уже почти три месяца. Скоро наступит день зимнего солнцестояния — Дунчжи, а значит, и Новый год он встретит здесь. Ланьи наверняка тоскует по родным. Шаньцы раздумывал, не отправить ли его в столицу вместе с пограничным отрядом, когда те соберутся в обратный путь. Хоу Чанян — военачальник, так что в армии наверняка найдутся верные люди, которые смогут защитить юношу в дороге. Если ехать самому, то путь туда и обратно займет добрых пять месяцев... Придется ждать конца трехлетнего срока службы, прежде чем он сможет вернуться в Шэнцзин.

Жить в разлуке будет нелегко, но Шаньцы понимал: Ланьи должен жить в столице.

Ланьи поудобнее устроился у него на груди, намотал прядь волос Шаньцы на палец и вскоре безмятежно засопел.

И впрямь — чистый котенок.

Шаньцы ласково погладил его по голове.

***

Тем временем Чжэн Шаньчэн и его спутники продолжали свой путь. Чем ближе они подходили к уезду Синьфэн, тем холоднее становилось. Фулан Линь уже надел стеганую одежду, Шаньчэн и Циньинь последовали его примеру. Они не умели так точно рассчитывать маршрут, как Шаньцы, поэтому им частенько приходилось ночевать в чистом поле. В такие ночи Шаньчэн караулил в первую половину ночи, а Линь и Циньинь — во вторую. Хоть возница и казался человеком честным, Шаньчэн и Линь всё же не теряли бдительности.

Чжэн Циньинь был робок, поэтому Линь решил, что оба гэ'эр будут дежурить вместе, а утром, когда повозка тронется в путь, смогут доспать внутри.

Запасы лепешек и вяленого мяса, которые собрал им в дорогу фулан Чжэн, уже давно подошли к концу. Теперь, добираясь до очередного городка, они первым делом закупались провизией впрок, на случай если путь снова проляжет через безлюдные земли.

Циньинь ежился от холодного ветра, но всё равно то и дело приоткрывал край полога, одним глазом подглядывая за меняющимся пейзажем. Он жмурился от удовольствия и радостно улыбался.

— Циньинь, не высовывайся, простудишься! — Линь зябко передернул плечами.

Младший брат послушно задернул занавеску. Дорога обошлась им в немалую сумму, и Линь не мог без боли в сердце смотреть, как тают их сбережения. Оказалось, что визит к

родственникам — дело разорительное.

Но стоило ему вспомнить, что Шаньцы теперь — целый начальник уезда, как все тревоги отступали. Ради такого дела никаких денег не жалко.

<http://bllate.org/book/15809/1435945>